

ОБЩЕЕ ЧИСЛО КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Тутарищева Мариат Каспотовна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Адыгейский республиканский институт гуманитарных наук
Майкоп

Аннотация. В статье рассматриваются разные точки зрения на сущность о числа, его особенности и способы выражения в разноструктурных языках, различные его интерпретации, существующие в лингвистике, соотношение форм единственного, множественного и общего числа.

Ключевые слова: агглютинативный, флективный, полисинтетический, категория числа, множественное число, единственное число, бинарный.

Проблемы, связанные с таким языковым явлением, как общее число, всегда представляли несомненный интерес, поэтому продолжают оставаться одним из актуальных вопросов теоретической грамматики не только частного, но и общего языкознания. Необходимость контрастивного изучения общего числа в разноструктурных языках (русском, адыгейском и английском) диктуется не только общенаучным интересом к проблеме типологии языковых универсалий, но и потребностями изуче-

ния данной проблемы в конкретных языках. При этом одно из центральных мест занимают аспекты, отражающие категориальную сущность общего числа и средства его выражения в языках, проблемы, связанные с интерпретацией понятия общего числа в разноструктурных языках.

В грамматической системе языка значение форм числа не всегда соответствует реальному числу, поэтому данная категория может получить в них неодинаковое выражение. Кроме этого, понятие числа получает неодинаковое выражение в языках различного строя. Об этом свидетельствуют факты языков различного грамматического строя. Так, например, анализ фактов таких разноструктурных языков, как русский (флективно-синтетический строй – в дальнейшем флективный тип, строй) и абхазо-адыгские, тюркские, палеоазиатские и др. языки (агглютинативно-полисинтетический строй – в дальнейшем агглютинативный строй, тип) подтверждают мысль о том, что свойства, характер той или иной категории «находятся в прямой зависимости от особенностей строя языка» [1, с. 107].

В области данной грамматической категории особый интерес вызывает проблема общего числа. Она получила различную интерпретацию в разноструктурных языках.

В области индоевропейских языков много работ посвящено проблеме общего числа. Как отмечается в специальной литературе, факты современных индоевропейских языков и их историко-типологические данные свидетельствуют о том, что грамматической категории числа, которая была представлена в древних индоевропейских языках парадигмами ед. и мн.ч., генетически предшествовало общее число, т.е. такое состояние, когда единая, абсолютная форма слова выражала общее числовое значение, совмещала единичность и собирательную множественность [2, с. 62]. Так, например, предполагается, что в старший праславянский период слово *ljudь* совмещало два значения – собирательно-множественное «люди» и единичное «человек», которые различались

ситуативно. Такой «тип значения числа определялось как общее число» [2, с. 62].

Последующее развитие грамматической категории числа привело к изменению способов выражения количественных отношений в языке и утрате значения общего числа. Форма *ljudь* (которая совмещала значение ед.ч. и собирательности) была вытеснена образованной от нее формой мн.ч. *людие* (затем – *люди*), а в значении единичности была образована сингулятивная форма *людинь*, но затем утрачивается эта форма, образуются коррелятивные формы ед. и мн.ч. При этом для ед.ч. в славянских языках стали использовать супплетивную форму «человек», которая образует новую корреляцию: ед.ч. «человек» – мн.ч. «люди». Таким образом, категория числа получает формально-грамматический характер универсальной морфологической категории [2, с. 62]. При этом, как предполагают ученые, общее число наличествовало только в древнейшем праиндоевропейском состоянии на флективном этапе развития грамматического строя, т.е. до возникновения грамматической категории числа существовала некая нейтральная по отношению к числу форма.

Совмещение двух функций в одной форме слова наблюдалось и наблюдается во многих языках мира. Например, в древнегреческом языке форма ед.ч., кроме единичности, может обозначать и собирательность.

В отношении употребления формы ед.ч. в русском и адыгейском языках прослеживаются определенные признаки, которые связаны с типологическими особенностями рассматриваемых языков. Это касается характера способов выражения значения количества, характера факультативности или обязательности их выражения, типа образуемых ими оппозиций и др. Так, в русском языке флективного типа форма ед.ч. существительного не может быть употреблена, когда речь идет о дискретном множестве предметов: существительное обязательно ставится в форме

мн.ч., если слово изменяется по числам и не приобретает дополнительных оттенков значений. Формальное выражение мн.ч. в этих случаях является облигаторным, а не факультативным.

Употребление формы ед.ч. имен существительных в языках агглютинативного строя имеет определенные особенности. Это связано с формой единственного числа существительных, которая в рассматриваемых языках имеет форму, совпадающую с основой. Она не является маркированной, как форма мн.ч., которая имеет специальный показатель. Специфика этих языков заключается в том, что существительное в них может быть нейтральным в отношении числа, т.е. оформление его показателем мн.ч. может быть факультативным, когда речь идет даже о множестве предметов. Другими словами, в языках агглютинативного строя, в том числе и адыгских, возможно употребление неоформленного имени (ед.ч.) в значении единичности и множественности, которое для индоевропейских языков недопустимо. При необходимости выражения множественности используются синтаксические, лексические или одновременно лексические и синтаксические способы. Еще в свое время Ж. Дюмезиль отметил явление экономии языковых средств в убыхском языке. Он писал, что, когда идея множественности вытекает отчетливо из контекста, охотно используется форма ед.ч. [3, с. 67]. Эта мысль применима и к другим языкам агглютинативного типа, в том числе и к адыгским. Это все дает основание рассматривать форму ед.ч. с нулевым показателем как форму общего числа.

Как было сказано, факультативность оформления значения множественности формой мн.ч., употребление формы ед.ч. в значении множественности занимает значительное место и в других языках агглютинативного типа. Однако использование формы ед.ч. в значении единичности и множественности, понятия общего, неопределенного числа, целостной совокупности и т.д. в лингвистической литературе квалифицируется по-разному: как общее число, индифферентность к категории

числа, безотносительное, нейтральное отношение к числу, значение неопределенности, недифференциальная слабая выраженность числа, неиндивидуализированность числа [4, с. 7]. Отдельные лингвисты считают, что данная форма стоит вне грамматической категории числа или предлагают считать термин «единственное число» условным, рассматривать его как общее число.

В адыгских языках такая возможность создает своеобразие категории числа. Она породила в специальной литературе понятие общего числа.

Мнения лингвистов по проблеме общего числа несколько расходятся в адыгейском языке. Большинство исследователей адыгских языков рассматривают категорию числа в данном языке как бинарное противопоставление форм и значений ед. и мн. ч. Это: Г.В. Рогова, З.И. Керашева, Б.М. Берсиров, Н.Т. Гишев, У.С. Зекох и др.

Принимая за основу двучленное противопоставление форм ед. и мн.ч., отдельные лингвисты (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, М.А. Кумахов) допускают возможность наличия общего числа в адыгских языках. Однако сущность общего числа получила в работах указанных лингвистов различную интерпретацию.

Н. Яковлев и Д. Ашхамаф рассматривают возможность употребления в современном адыгейском языке неоформленного показателем числа имени в значении ед. и мн.ч. как общее число. Подобные явления встречаются в разноструктурных языках (русском, нивхском, тюркских и др.). Использование неопределенной формы в функции множественности с вышеуказанными значениями в современном адыгейском языке не ограничено, хотя Н. Яковлев и Д. Ашхамаф отрицают такую возможность.

О возможностях употребления формы ед.ч. относительно парных частей тела свидетельствуют факты многих языков агглютинативного строя. Однако употребление неоформленного имени с дополнительным

значением или употреблении слов, обозначающих парные органы, в форме ед.ч. не квалифицируется в лингвистической литературе как общее число.

На основании нейтрализации числа в именах существительных и глаголах М.А. Кумахов отмечает наличие общего числа в адыгских языках. Он констатирует: «Своеобразие числовых корреляций, обусловленное наличием общего числа, ярко демонстрируют адыгские языки» [5, с. 65].

Таким образом, форму ед.ч. в агглютинативных языках можно считать универсальной в том смысле, что она способна выражать самые различные оттенки значений. При всем многообразии возможностей выражения формой ед.ч. разных значений не исключается возможность и выражения ею единичности. Этим она противостоит форме и значению мн.ч., образуя с ней коррелятивную пару. Возможности употребления формы ед.ч. для выражения мн.ч. реализуются при соответствующих уточняющих средствах. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно сохранить в адыгейском языке за нулевой формой имени принятое в лингвистической литературе название «форма единственного числа».

Вполне справедливо отмечает В.З. Панфилов: «тот факт, что форма числа не во всех случаях выполняет функцию квантитативной актуализации, не представляет собой какого-либо исключительного явления: полисемия или омонимия свойственны не только лексике, но и грамматическим формам любого языка» [6, с. 55].

Список использованных источников

1. Гузеев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языка // Вопросы языкознания. 1975. № 3.
2. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантические исследования). Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1982.
3. Дюмезиль Ж. Язык убыхов (на франц.яз.). Париж, 1913.
4. Щербак А.И. Формы числа имени в иранских языках // Вопросы языкознания. 1970. № 3, 5.
5. Кумахов М.А. К истории категории числа в абхазо-адыгских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
6. Панфилов В.З. Грамматическое число существительных в нивхском языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Т.П. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Дата публикации: 19.11.2018

© Тутарищева Мариат Каспотовна